

АННА ГРЕЙ

Измена
Ты не отец

Анна Грей

Измена Ты не отец

<https://litres.ru/74067346>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я смотрела на него и не могла выговорить ни слова, потому что все слова, которые у меня были, оказались вдруг слишком маленькими для того, что происходило, и слишком большими для этого зала, где играла музыка и звенели приборы и люди ели свой ужин.

— Это Алина, — он чуть отстранился. — Она из компании. Мы обсуждали проект.

— В годовщину, — я наконец нашла голос, и он вышел тише, чем я хотела. — Проект. В нашу годовщину.

Он молчал секунду.

Женщина по имени Алина смотрела на меня снизу вверх, и в углах её губ держалась тень улыбки, той самой, которую женщина не может сдержать, когда смотрит на жену мужчины, которого уже считает своим.

— Давай не здесь, — он отложил салфетку, медленно, аккуратно проведя ею по губам, точно тем же движением, каким его мать всегда промокала рот за столом, и я столько раз видела этот жест за десять лет, что узнала бы его из тысячи. — Давай дома поговорим. Не устраивай сцен.

Содержание

ПРОЛОГ.	4
ГЛАВА 1.	13
ГЛАВА 2.	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Анна Грей

Измена Ты не отец

ПРОЛОГ.

Стол был накрыт на двоих, и в этом не было ничего особенного, потому что я накрывала его на двоих десять лет, не считая годовщин, на которые полагалось что-то торжественное, длинное, со свечами, которые я всегда зажигала чуть раньше времени, чтобы фитиль успел разгореться ровно и не коптил.

Сегодня была годовщина.

Я разложила приборы так, как любил он, ножом наружу, и переставила бокалы дважды, пока они не встали правильно, и поправила салфетку у его места, хотя поправлять там было нечего.

Телефон лежал рядом с разделочной доской и молчал.

Я набрала его в третий раз, и снова пошли длинные гудки, один за другим, до того равнодушного женского голоса, который сообщает, что абонент сейчас недоступен, и просит перезвонить позже.

— Перезвоню, — сказала я голосу, как будто он мог передать.

На кухне у нас всё было устроено так, как я люблю, и мне понадобилось десять лет, чтобы устроить это до последней мелочи, до того, чтобы соль стояла слева от плиты, а доски висели по росту, от самой большой к самой маленькой.

Дмитрий никогда не замечал этих мелочей.

Он входил, открывал холодильник, доставал то, что я приготовила, и ел стоя, и говорил, что устал, и шёл к себе в кабинет, за тяжёлую дверь, которую я научилась не открывать без стука, потому что однажды открыла без стука и он поднял на меня глаза так, что мне расхотелось когда-нибудь делать это снова.

Я думала, что так и выглядит семья после десяти лет.

Я думала, что страсть выгорает у всех, что её сменяет вот это ровное, тёплое, домашнее, когда уже не держатся за руки через стол, а просто живут рядом, и это не хуже, а спокойнее, и в этом спокойствии есть своя правда.

Я искренне в это верила.

Я верила в это ещё сегодня утром, когда вынимала из шкафа платье и думала, надеть его или побережь, и решила надеть, потому что годовщина.

Платье так и висело на спинке стула, а я стояла у плиты у домашнего, потому что переодеться к приходу мужа собиралась за полчаса, а эти полчаса всё не наступали.

Курица доходила в духовке, и я открыла дверцу, чтобы полить её соком, и закрыла, и вытерла руки о полотенце, и

снова взяла телефон.

Половина девятого.

Он обещал к семи.

Я не из тех жён, которые звонят мужу каждые двадцать минут и проверяют, где он и с кем, я никогда такой не была, и мне всегда казалось, что в этом и есть достоинство, в том, чтобы доверять и не унижать ни себя, ни его подозрением.

Я отложила телефон экраном вниз и вернулась к плите.

Через минуту он завибрировал.

Я не оборачивалась, давая себе несколько секунд этой маленькой надежды, что вот сейчас высветится его имя и короткое «уже еду, прости», и я отвечу что-нибудь лёгкое, и вечер выправится, и мы всё-таки сядем за этот стол вдвоём.

Я перевернула телефон.

Имя не высветилось.

Номер был незнакомый, и под номером висела фотография, которую кто-то прислал мне в половине девятого вечера, в годовщину моей свадьбы, без единого слова, без подписи, просто картинка, открывшаяся во весь экран, едва я разблокировала.

Это был ресторан.

Я узнала его сразу, тот самый, где мы сидели когда-то в самом начале и где он держал мою руку через стол и говорил, что я не похожа ни на кого, кого он знал.

За столиком сидел Дмитрий.

Рядом сидела женщина, молодая, с гладко убранными волосами, и она смеялась, запрокинув голову, а он смотрел на неё так, как давно не смотрел дома, расслабленно, открыто, без той усталой складки у рта, с которой он обычно входил в нашу спальню и говорил, что вымотался и хочет спать.

Её рука лежала на его руке.

Я смотрела на эту фотографию долго, может быть, минуту, может быть, пять, и курица в духовке тем временем подгорала, и сок зашипел на противне, потёк через край, но я не двигалась.

Потом я выключила духовку.

Я не помню, как переоделась.

Помню, что застёгивала пальто в прихожей и пальцы не попадали в пуговицы, и я застегнула криво, и не стала перестёгивать, и взяла ключи от машины, и вышла, и заперла дверь на оба оборота, как делаю всегда, потому что аккуратность въелась в меня до того, что даже теперь, выходя из дома, где разваливалась моя жизнь, я думала о том, заперта ли дверь.

Дорога заняла сорок минут.

Я вела ровно, не превышая, останавливаясь на каждый красный, и внутри у меня было пусто и гулко, как в комнате, из которой вынесли мебель, и я всё проигрывала и проигрывала десять лет, в которых была хорошей женой, такой хорошей, что лучше некуда, и эта мысль не грела, потому что

хорошей женой я была для человека, который сейчас держал чужую руку и смеялся.

Я думала: чего мне не хватило.

Я думала: чего во мне оказалось мало, если рядом со мной он гас, а рядом с ней светился.

Я думала о том, что приготовила курицу.

Это была глупая мысль, неуместная, дикая, но она крутилась во мне всю дорогу, что я, дура, стояла у плиты и поливала курицу соком, чтобы она была сочной, как он любит, пока он сидел в ресторане с той, рядом с которой ему не нужна была никакая курица.

А потом пришла другая мысль, и от неё мне стало по-настоящему худо.

Я подумала: давно ли.

Давно ли он смотрит на неё так, давно ли держит её руку, давно ли возвращается домой с этой расслабленностью в лице, которую я принимала за усталость и которую теперь увидела насквозь, потому что усталый человек так не смеётся.

Я стала вспоминать вечера.

Командировки, которые участились этой зимой, поздние совещания, выключенный телефон, который он объяснял разрядкой, его новую привычку оставлять рубашки не в общей корзине, а отдельно, и относить их в чистку самому, чего раньше за ним не водилось ни разу, и я ещё радовалась тогда, дура, что он наконец стал помогать по дому.

Всё сложилось в одну картину, пока я ехала.

И от того, как ровно и страшно всё сложилось, мне захотелось остановить машину на обочине и просто посидеть, но я не остановилась, потому что если бы остановилась, то уже не нашла бы сил поехать дальше.

Я оставила машину у входа и вошла.

Управляющий шагнул было навстречу, но я прошла мимо, и он не стал меня останавливать, потому что есть в женщине, идущей через зал к своему мужу, что-то, что не останавливают.

Я увидела их раньше, чем подошла.

Он что-то говорил ей, наклонившись через стол, и она слушала, подперев щёку, и в этой позе было столько домашнего, столько привычного, как будто они сидели так не первый и не десятый раз, как будто у них уже был свой ресторан, и своё начало, и своя рука через стол.

Я остановилась у их столика.

Женщина увидела меня первой и убрала руку, и что-то мелькнуло в её лице, не испуг, а скорее любопытство, оценивающее, спокойное, и она поправила волосы, которые и без того лежали идеально.

Потом меня увидел он.

— Марина.

Он произнёс моё имя ровно, без всякого выражения, как произносят имя человека, которого не ждали, но и не очень-

то испугались увидеть.

Я молчала.

Я смотрела на него и не могла выговорить ни слова, потому что все слова, которые у меня были, оказались вдруг слишком маленькими для того, что происходило, и слишком большими для этого зала, где играла музыка и звенели приборы и люди ели свой ужин.

— Это Алина, — он чуть отстранился. — Она из компании. Мы обсуждали проект.

— В годовщину, — я наконец нашла голос, и он вышел тише, чем я хотела. — Проект. В нашу годовщину.

Он молчал секунду.

Женщина по имени Алина смотрела на меня снизу вверх, и в углах её губ держалась тень улыбки, той самой, которую женщина не может сдержать, когда смотрит на жену мужчины, которого уже считает своим.

— Давай не здесь, — он отложил салфетку, медленно, аккуратно проведя ею по губам, точно тем же движением, каким его мать всегда промокала рот за столом, и я столько раз видела этот жест за десять лет, что узнала бы его из тысячи. — Давай дома поговорим. Не устраивай сцен.

Сцен.

Вот чего он боялся, сидя там со своей Алиной, что я приду и устрою сцену, что я закричу, заплачу, швырну в него бокал, вцеплюсь ей в её гладкие волосы, и зал будет смотреть, и ему

будет стыдно.

Я смотрела на него и понимала, что он не боится потерять меня.

Он боится только одного, что я поведу себя некрасиво. И это оказалось страшнее любой фотографии.

— Я не буду устраивать сцен, — сказала я.

Я выговорила это очень спокойно, так спокойно, что сама удивилась, и по щеке прошла одна горячая дорожка, всего одна, и я смахнула её тыльной стороной ладони, не отводя от него глаз.

— Тебе не о чем беспокоиться, Дмитрий. Никакой сцены не будет.

Алина шевельнулась, словно собираясь что-то вставить, и я перевела взгляд на неё, и она замолчала.

— Доедайте, — сказала я им обоим. — Курица дома всё равно сгорела.

Я развернулась и пошла к выходу.

Я шла через весь зал, мимо столиков, мимо официанта с подносом, и спина у меня была прямая, и шаг ровный, и я не обернулась ни разу, хотя каждой клеткой чувствовала, смотрит он мне вслед или уже наклонился обратно к ней.

У дверей управляющий придержал мне створку.

— Всего доброго, — сказал он.

— И вам, — ответила я и вышла в вечер, в котором де-

сять лет моей жизни только что закончились, а я ещё об этом не знала, я знала только, что не заплакала при них и ушла первой.

Машину я завела не сразу.

Я сидела, положив руки на руль, и смотрела на освещённые окна ресторана, за которыми остался мой муж, и думала о том, что у меня нет дома, в который я могла бы сейчас вернуться, потому что дом, который я наполняла теплом десять лет, перестал быть моим ровно в ту минуту, когда чужая рука легла на руку моего мужа, а он не убрал её.

Телефон снова завибрировал на соседнем сиденье.

Тот же незнакомый номер.

Новое сообщение, на этот раз без фотографии, всего три слова, от которых внутри у меня сделалось холодно и тихо, потому что я ещё не знала, кто их прислал и зачем, я знала только, что кто-то очень хотел, чтобы я оказалась сегодня в этом ресторане.

Я открыла сообщение.

«Это только начало».

Я завела машину и поехала в съёмную квартиру, ключи от которой лежали у меня в сумке уже вторую неделю, и о которой не знал ещё никто.

ГЛАВА 1.

— Садись, Марина. Нам надо поговорить как взрослые люди.

Он сидел за своим столом, в своём кабинете, за той самой тяжёлой дверью, и перед ним лежала тонкая папка, которую он открыл ровно настолько, чтобы я увидела край бумаги, но не разглядела, что на ней.

Я не села.

Я стояла в дверях его кабинета, куда он вызвал меня утром, как вызывают подчинённого, у которого истекает контракт, и смотрела на этого человека, рядом с которым прожила половину взрослой жизни, и не узнавала ни одной чёрточки в его лице.

— Я постою.

— Как хочешь.

Он сложил руки на папке и поглядел на меня снизу вверх, спокойно, почти доброжелательно, и от этой его доброжелательности мне сделалось холоднее, чем от любого крика.

Я не спала эту ночь.

Я приехала под утро в чужую съёмную квартиру, легла не раздеваясь поверх покрывала и пролежала так до рассвета, проигрывая снова и снова его лицо в ресторане и три слова в телефоне, и где-то к утру у меня выкристаллизовалась маленькая, жалкая, цепкая надежда, что всё это можно ещё

повернуть назад, что я приду, мы поговорим, он объяснит, я прощу, и мы как-нибудь склеим то, что треснуло.

Я приехала домой к восьми.

Дмитрий уже не спал, он был выбрит, одет, как на работу, и от него веяло той деловой собранностью, с какой он подписывал договоры, и эта собранность сразу убила во мне всю ночную надежду, потому что так не выглядит человек, который собирается мириться.

Так выглядит человек, который собирается закрывать сделку.

— Я думал, как нам лучше всё устроить, — он говорил ровно, по-деловому. — Без скандалов, без грязи, без адвокатских войн. Мы взрослые люди, у нас была хорошая жизнь, и заканчивать её надо достойно.

— Заканчивать.

Я повторила это слово, пробуя его на вкус, и оно оказалось железным, как ключ.

— Марина, давай не будем делать вид, что мы оба не понимали, к чему всё шло.

— Я не понимала.

Он чуть приподнял брови, словно я сказала что-то наивное.

— Я правда не понимала, Дмитрий. Я вчера курицу готовила. К нашей годовщине. Я свечи зажгла.

Что-то дрогнуло у него в лице, на одно короткое мгнове-

ние, и тут же разгладилось.

— Вот об этом я и говорю. Не надо про курицу. Не надо про свечи. Давай по существу.

По существу.

Я смотрела на его руки, лежащие на папке, ухоженные, спокойные, и думала о том, что этими руками он когда-то обнимал меня так, что я задыхалась от счастья, а теперь они спокойно лежат на бумагах, которыми он отрезает меня от своей жизни, и обе эти вещи правда, и обе были одним и тем же человеком.

— Хорошо, — сказала я. — По существу. Сколько ты ей лет?

— Это к делу не относится.

— Двадцать пять? Двадцать семь?

— Марина.

— Я просто хочу понять, на кого ты меня поменял. Имею право. Десять лет всё-таки.

Я назвала эту цифру один раз, и больше не собиралась её называть, потому что цифры в такие минуты звучат жалко, как чек, который суёшь под нос, требуя вернуть деньги за бракованный товар.

— Дело не в возрасте, — он откинулся в кресле. — И не в ней. Дело в том, что мы с тобой давно живём как соседи. Ты сама это знаешь.

— Соседи.

— Ты превратилась в идеальную хозяйку дома, Марина. В идеальную. У тебя всё по полочкам, всё разложено, всё блестит. Только я в этом доме давно не живу, я в нём... существую. Как предмет интерьера, который ты тоже протираешь от пыли.

Я молчала.

Он бил точно, он всегда умел бить точно, и страшнее всего было то, что в каждом его слове была доля правды, и эту долю он сейчас раздувал до целого, чтобы оправдать то, что сделал.

— А с ней ты, значит, живёшь, — выговорила я наконец.

— С ней я дышу.

Я могла бы напомнить ему многое.

Я могла бы напомнить, кто сидел с ним ночами, когда его фирма едва не пошла ко дну, кто закладывал свои серьги, чтобы было чем заплатить рабочим, кто варил ему бульон, когда он лежал с температурой и бредил цифрами, кто десять лет принимал в этом доме его партнёров, его мать, его брата, улыбался, накрывал, подавал, провожал, а потом мыл за всеми посуду в три часа ночи и наутро снова улыбался.

Я могла бы всё это ему припомнить.

Но я не стала, потому что когда начинаешь перечислять, чем ты была хороша, ты уже проиграла, ты уже стоишь с протянутой рукой и просишь засчитать тебе заслуги, а просить

я не собиралась.

— Понятно, — сказала я только.

— Что тебе понятно?

— Что виновата, конечно, я. Это же я довела тебя до того, что ты пошёл дышать на сторону. Удобно как.

Он дышал.

Я стояла в дверях и держалась за косяк, и держалась я хорошо, спина прямая, лицо ровное, и только пальцы вцепились в дерево так, что побелели бы, если бы я на них смотрела, но я на них не смотрела, я смотрела на него.

— И как ты это видишь, — спросила я. — Технически.

— Что технически?

— Развод. Ты же всё уже придумал, у тебя вон папка. Расскажи, как ты это видишь.

Он чуть оживился, перейдя на знакомую почву, на цифры и пункты, где он был хозяином.

— Квартиру в городе я оставляю тебе. Машину тоже. Дом... дом мы продадим, и я отдам тебе половину. Содержание я тебе назначу, не обижу, ты меня знаешь. Подпишем всё по-человечески, у нотариуса, и разойдёмся без взаимных претензий.

— Как у тебя всё разложено.

— Я готовился.

— Я вижу.

И вот тут он впервые меня удивил, потому что я ждала, что он начнёт оправдываться, юлить, а он, наоборот, заговорил с такой готовностью, с такой подробностью, будто кто-то заранее разложил ему весь этот развод по пунктам, написал, что мне отдать, что оставить себе, в каком порядке подписывать.

— Дмитрий, — медленно сказала я. — А почему дом продать?

— В смысле?

— Ты любишь этот дом. Ты его строил. Почему сразу продать, а не оставить кому-то из нас?

Он на секунду запнулся.

— Так проще делить.

— Кому проще?

— Всем проще, Марина. Не усложняй.

Он сказал это чуть быстрее, чем говорил всё остальное, и отвёл глаза к окну, и я запомнила эту заминку, сама ещё не зная зачем, просто отложила её куда-то вглубь, как откладывают мелкую монету, которая потом вдруг оказывается нужной.

И тут зазвонил его телефон.

Он лежал экраном вверх на углу стола, и я увидела имя раньше, чем он успел перевернуть, одно короткое слово, женское имя, и под ним билась вызывающая строчка.

Алина.

Он накрыл телефон ладонью, помедлил, и всё-таки ответил, при мне, не выходя из комнаты, и это было хуже всего.

— Да. Да, я помню. Нет, ещё разговариваем.

Он слушал.

— Хорошо. Я перезвоню. Да. И ты.

Он положил телефон обратно, экраном вниз, и поднял на меня глаза, и в них не было ни капли смущения, только лёгкое нетерпение, будто я задерживала его на пути к чему-то важному.

«И ты».

Вот что он сказал ей при мне, два коротких слова, которыми когда-то заканчивал разговоры со мной, торопливые, домашние, на бегу, «и ты», и я всегда знала, что они значат, и теперь он говорил их другой, при живой жене, в своём кабинете, не потрудившись даже выйти за дверь.

И в эту секунду во мне погасло что-то последнее.

Не любовь, любовь погасла раньше, ещё вчера, в ресторане. Погасла надежда. Та самая, цепкая, утренняя, ради которой я приехала, причесалась, нашла в себе силы войти в этот кабинет.

Меня не предали в эту секунду.

Меня просто вычеркнули, аккуратно, начисто, и на освободившееся место уже вписали другую, и мне оставалось только подписать, что я не возражаю.

— Подпишу, — сказала я.

Он поднял брови.

— Что?

— Развод. Я подпишу. Не сегодня. Но подпишу.

Он явно ждал чего угодно, слёз, криков, мольбы, и моя короткая готовность сбила его, он даже привстал.

— Марина, я рад, что ты подходишь к этому разумно. Правда. Я знал, что ты...

— Только не через тебя.

— В смысле?

— Я найду своего человека. Который будет читать твою папку. Я не подпишу ничего, чего не прочтает мой человек. Ты не против?

Он чуть прищурился.

— Адвоката, что ли?

— Юриста. Своего.

Что-то изменилось в его лице, едва заметно, тень неудовольствия, может быть, даже тень тревоги, и эта тень сказала мне больше, чем все его слова про соседей и про то, что он со мной не дышит.

Он не хотел, чтобы я приводила своего человека.

Деловой, спокойный Дмитрий, у которого всё разложено по пунктам, на секунду стал не рад тому, что бумаги, которые он так подробно мне расписал, прочтает кто-то с холодной головой.

— Как хочешь, — сказал он наконец, и в голосе у него прибавилось металла. — Дело твоё. Только не затягивай. И не накручивай себя. Чем быстрее закончим, тем легче будет нам обоим.

— Нам обоим, — повторила я.

— Да.

— Тебе, Дмитрий. Легче будет тебе. Про меня не надо.

Я отпустила косяк, за который держалась всё это время.

Пальцы затекли, и я разжала их медленно, и вышла из кабинета, не хлопнув дверью, потому что хлопнуть дверью значило бы устроить ту самую сцену, которой он так боялся, а я обещала, что сцены не будет, и я держала слово, я всегда держала слово, в этом вся я.

Я поднялась в спальню.

Достала из гардеробной чемодан, тот большой, с которым мы ездили к морю в позапрошлом году и были там, кажется, счастливы, и поставила его на кровать, и открыла, и стала складывать вещи.

Складывала я аккуратно.

Рубашки, которые свои, бельё, два платья, тёплое и лёгкое, потому что я не знала ещё, сколько меня не будет и какая будет погода, когда я вернусь, и вернусь ли вообще, и руки делали привычную работу, ровно укладывая ткань к ткани, пока в голове было пусто и звонко.

На дне гардеробной, под коробками, стоял ещё один чемодан, поменьше.

Я вытащила и его.

А потом села на край кровати, между двумя раскрытыми чемоданами, своим прошлым справа и своим неизвестным будущим слева, и просидела так долго, не плача, просто глядя в стену, на которой висела наша свадебная фотография, где он держал меня за талию и смеялся, и я смеялась, и мы оба не знали ещё ничего.

Снизу хлопнула входная дверь.

Машина мужа выехала со двора, я слышала, как зашуршал гравий под колёсами, и поняла, что он уехал к ней, не дождавшись даже, пока я соберусь, и это было последней точкой, маленькой, будничной, окончательной.

Я закрыла оба чемодана.

И снесла их вниз, к двери, и поставила рядом, и пошла на кухню вылить из вазы цветы, которые он подарил мне неделю назад, до всего, и которые я по привычке меняла каждый день, чтобы стояли свежие, и которые теперь были уже не нужны никому.

Телефон зазвонил, когда я выбрасывала стебли в ведро.

Катя.

Единственный человек, которому я написала ночью три слова, «он мне изменил», и которая с тех пор звонила каждые два часа, а я не брала, потому что не было сил говорить,

а сейчас взяла, сама не зная почему, может, потому что руки были мокрые от воды и хотелось живого голоса.

— Ну наконец-то, — выпалила она с того конца. — Я уже собиралась к вам ехать. Ты где?

— Дома пока. Собираю вещи.

— Куда собираешь?

— У меня есть где жить, Кать. Я сняла квартиру. Две недели назад.

На том конце повисло молчание.

— Подожди, — выговорила она медленно. — Две недели назад? Ты уже две недели как знала?

Я держала телефон плечом и завязывала на ведре пакет, и руки делали это сами, ровно, аккуратно, а внутри у меня что-то поползло вкривь от её вопроса, потому что я и сама не могла бы толком объяснить, почему сняла эту квартиру тогда, до фотографии, до ресторана, до всего.

— Не знала, — сказала я. — Чувствовала.

— Что чувствовала?

— Что надо иметь куда уйти. Просто на всякий случай. Как страховку. Я сама не понимала зачем, а теперь вот пригодилось.

— Маринка.

Голос у неё дрогнул, и я услышала, как она затягивается сигаретой, своими тонкими, которые бросает уже третий год, и не бросит никогда, и от этого знакомого, домашнего звука

у меня по щеке прошла горячая дорожка, первая за всё утро, и я смахнула её плечом, потому что руки были заняты.

— Не реви там, — сказала я ей. — Я не реву, и ты не смей.

— Я не реву, — соврала она. — У меня сигарета горькая.

Ты куда сейчас? Ко мне давай.

— Нет. К себе.

— Одна?

— Одна, Кать. Мне надо одной.

Я положила трубку, оделась, взяла оба чемодана и в последний раз обвела глазами этот дом, в который вложила себя всю, до донышка, и который перестал быть моим где-то между вчерашним рестораном и сегодняшней папкой.

Ключи я не оставила.

Я подумала об этом, повертела связку в руке у самой двери, и всё-таки сунула обратно в карман, потому что отдать ключи сейчас, добровольно, в пустом доме, когда он уехал к ней, было бы последним поклоном, а кланяться я не хотела.

Пусть забирает сам.

Я вышла, заперла дверь снаружи, спустила чемоданы с крыльца и покатила их по дорожке к машине, и колёсики стучали по плитке, которую мы выбирали вместе позапрошлым летом, и это был единственный звук во всём дворе.

Квартира встретила меня тишиной и голыми стенами.

Я сняла её наспех, через знакомую риелторшу, две комна-

ты в новом доме поближе к центру, с белыми стенами, тёплым полом и кухней, на которой не было ровным счётом ничего, кроме чайника и двух чашек, которые я привезла в первый же день, сама не понимая зачем, будто уже тогда знала, что вернусь сюда жить.

Я вкатила чемоданы в прихожую и оставила в коридоре, не разбирая.

Сил разбирать не было.

Я прошла на кухню, поставила чайник, села на единственный стул у голого стола и стала ждать, пока закипит, глядя на свои руки, которые сегодня уже успели сложить чемодан, выбросить цветы, запереть дом, и которые теперь лежали на чужом столе и не знали, чем им заняться дальше.

Чайник щёлкнул.

Я заварила чай в одну чашку, держа в руке вторую, пустую, и вдруг поймала себя на том, что машинально потянулась за второй заваркой, для него, как делала каждый вечер десять лет, ему покрепче, мне послабее, и так и застыла с пустой чашкой в руке, пока до меня доходило, что заваривать на двоих больше некому.

Я поставила вторую чашку обратно в шкаф.

Закрыла дверцу.

А потом снова открыла, достала её и поставила на стол, рядом со своей, пустую, сама не зная, зачем мне это нужно, и так и пила свой чай в пустой кухне, глядя на две чашки, из

которых полная была одна.

За стеной, у новых соседей, негромко работал телевизор, и чей-то ребёнок засмеялся, тонко и заливисто, и я положила ладонь на живот, ещё плоский, ещё ничего не значащий, просто живот, и держала её там зачем-то, пока чай не остыл.

Я тогда ещё ничего не знала.

Я просто сидела и грела ладонью пустоту, в которой уже жила новость, перевернувшая всё, но до которой мне оставалось ещё две недели.

ГЛАВА 2.

Тошнота подкатила прямо в ванной, когда я чистила зубы, резко, без предупреждения, и я едва успела наклониться над раковиной.

Меня вывернуло.

Я стояла, держась обеими руками за холодный край, и смотрела на своё отражение, бледное, осунувшееся, и думала, что это нервы, конечно, нервы, развод, бессонница, и ничего я толком не ела вторую неделю, вот желудок и бунтует.

Потом я посчитала дни.

Я стояла с зубной щёткой в руке и считала, и пересчитывала, и снова считала, потому что цифры упрямо не сходились с тем, что должно было быть, и сходились совсем с другим, о чём я даже думать сейчас не имела никакого права.

Я не пошла в аптеку сразу.

Я сначала весь день уговаривала себя, что это совпадение, что задержки бывают от стресса, что после такого потрясения у любой женщины собьётся всё на свете, и только к вечеру, когда тошнота накатила второй раз, уже на пустой желудок, я оделась и спустилась вниз.

Аптека была в соседнем доме.

Молоденькая девушка за стойкой подала мне коробку, не поднимая глаз, привычным движением, и я расплатилась и

вышла, сжимая в кулаке этот маленький сверток, в котором лежал ответ на вопрос, который я боялась себе задать.

Дома я не стала тянуть.

Зашла в ванную, сделала всё, как написано, положила тест на край раковины и вышла, потому что стоять и смотреть на него я не могла, и эти три минуты ходила по пустой квартире из угла в угол, обнимая себя за плечи.

Три минуты прошли.

Я вернулась в ванную, взяла тест дрожащей рукой, поднесла к свету, и две полоски смотрели на меня в упор, яркие, чёткие, не оставляющие никакого шанса списать их на брак или на плохое зрение.

Две полоски.

Я опустилась на край ванны, держа тест в руке, и сидела так, не зная, плакать мне или смеяться, потому что внутри у меня поднималось разом столько всего, что ни на что одно сил не хватало.

Ребёнок.

После всего, после ресторана, после папки, после «с ней я дышу», у меня будет ребёнок от человека, который вчера вычеркнул меня из своей жизни ровным деловым почерком.

Я просидела на краю ванны долго.

Потом перебралась на пол, прислонившись спиной к холодной стене, и подтянула колени к груди, и положила ла-

донь на живот, как сидела вчера с чашкой чая, только теперь я знала, что грею не пустоту.

— Ну вот, — сказала я тихо, непонятно кому. — Вот мы и вдвоём остались.

Голос прозвучал странно в пустой ванной, и я замолчала.

А потом заговорила снова, потому что молчать было хуже.

— Ты только не бойся, — сказала я своему животу. — Я тебя в обиду не дам. Что бы там ни было, ты у меня будешь, и точка. Слышишь?

По щеке прошла горячая дорожка, потом вторая, и я уже не стала их вытирать, я сидела на полу чужой квартиры, обнимая колени, и плакала, и впервые за две недели это были не злые слёзы, а какие-то другие, светлые и страшные одновременно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.